

РАССКАЗЫ

ДЕВОЧКА ИЗ АЛЖИРА

В тихой деревне Сент-Эмильон, завораживающей своей размеренной жизнью, аккуратный, чисто выметенный дворик обрамляли уголки деревьев, под раскидистой кроной которых были разбиты благоухающие цветники. Их аромат, смешанный с запахом винограда, создавал особый, дурманящий, пряный букет, которому позавидовал бы любой парфюмер.

Когда над двориком поплыла нежная и грустная мелодия, казалось, даже ветерок замер на секунду, чтобы подхватить ритм музыки и в такт ей начать раскачивать резные звезды виноградных листьев. Идущие вдоль ровных рядов янтарных лоз работники многозначительно переглядывались. Новенький сотрудник, нанятый только вчера и впервые вышедший на виноградник, спросил у соседа на соседней меже:

— Откуда эта музыка? Кто играет на скрипке?

— Это хозяин, наш пожилой господин. Ты видел его в большом доме.

— Тот старичок в светлом костюме, у которого грустный взгляд?

— Именно — грустный взгляд! Это месье Дидьен, владелец замка. У него умерла жена, чудеснейшая, милая и скромная женщина, которая так и не оставила ему наследников. Это его самая страшная боль.

— Поэтому мелодия такая грустная?

— Именно! На всякий случай запомни: при месье ни в коем случае не надо говорить о детях. Он расстраивается и потом целый день так играет до глубокой ночи без еды и отдыха.

Их разговор прервал новый звук. Кто-то осторожно, будто стесняясь, то ли стучал, то ли скребся в дверь.

На пороге стояла худощавая, высокая смуглая девушка. Когда дверь открылась, она негромко сообщила дворецкому, что пришла по рекомендации на должность менеджера клининга. Слуга велел подождать и закрыл дверь. Через пару минут музыка замолчала, а занавеска на окне слегка приподнялась. А еще через несколько минут дверь распахнулась, и девушка исчезла в темной прохладе старинного замка.

Рабочие двинулись в глубь виноградника, работа закипела. Благодаря всего двум дюжинам трудяг виноградный бизнес шел в гору, принося хозяину приличный доход. Но каждый из рабочих чувствовал себя гораздо более счастливым, чем хозяин, ведь каждого дома ждала семья.

С этого дня время от времени во дворе стала мелькать смуглая фигурка мулатки с порывистыми движениями, выдававшими в ней африканскую кровь. Она все время была

Йосси Кински — прозаик, драматург, сценарист. Родился в 1980 году в семье инженера. Публиковался в журналах «Новый континент» (США), «Крещатик» (Украина), «Homo Legens» (Москва), «Чайка» (США), интернет-журнале молодых писателей «Иные берега». Автор более 10 киносценариев, нескольких театральных пьес. Живет в Москве.

при деле: то гладила рубашки рабочих, то, подоткнув подол длинной пестрой юбки за пояс, несколько раз в день мыла полы.

Она с удовольствием сплетничала с прислугой на кухне, помогая накрыть стол. И вот однажды, когда дворецкий громким шепотом рассказывал ей о хозяйке, на словах: «Она была просто святая женщина!» — в комнату вошел хозяин и тихим, скрипучим старческим голосом сообщил: «Довольно, Франсуа! Благодарю вас, но о милой Мадлен я пока в состоянии рассказать самостоятельно!»

Дворецкий с трудом сдержал шумный выдох, почтительным кивком головы выразил свое почтение и с достоинством удалился.

— Так вы хотите узнать о моей дорогой супруге? Извольте! Я охотно расскажу вам, дитя мое! Пройдите в мой кабинет!

К вечеру работники недоуменно переглядывались: впервые за последние семь лет после смерти госпожи они весь день не слышали музыки из окна старого замка.

А уже на следующий день, сразу после завтрака, вместо привычно плачущей скрипки раздался громкий трубный звук, больше напоминающий гудок паровоза, чем скрипичную мелодию. Вслед за ним послышался залиvistый девичий смех, и работники углубились в ряды зеленых лоз, с трудом удерживая язык за зубами, чтобы не стать вдруг сплетниками, ведь это занятие скорее приличествует женщинам почтенного возраста, чем здоровым мужчинам, у которых много работы.

В открытом окне мелькнула девичья фигурка, похожая на хрупкую эфиопскую статуэтку, и из открытого окна сквозь звонкий хохот послышался старческий голос:

— Похоже, твоей мечте не суждено сбыться. Нет в тебе нежности, мягкости. Бедная флейта! Я и представить не мог, что она способна издавать такие звуки!

Вскоре сбор винограда был окончен, и большинство рабочих, получив расчет, разошлись восвояси. В опустевшем замке стало непривычно тихо. Только покрасневшие виноградные листья перешептывались с похолодевшим ветерком.

Но менеджеру клининга было некуда идти: большую часть заработанного она уже истратила. Достав из недр бесформенной и безразмерной полотняной сумки тростниковую дудку, она сотрясала воздух душераздирающими стонами инструмента что было мочи.

Собравшийся было спать, месье Дидьен высунулся в окно в ночной сорочке и колпаке. Он постарался как можно вежливее осведомиться, не сошла ли она с ума. Но девушка, подчиняясь воле проснувшейся в ней практически животной находчивости и всхлипывая с гримасой, которая должна была изображать рыдания, проговорила:

— Ах, месье! Сегодня годовщина гибели моего отца! А кроме него, у меня никогда никого не было и нет!

В привыкшей к боли душе старика шевельнулось что-то потаенное, почти замолкшее...

— Дитя мое, что же ты там сидишь одна? — вымолвил он и поспешил вниз, по-молодецки перескакивая через две ступеньки, с бутылкой коньяка в руках, чтобы подержать вдруг обретенную родственную душу.

Впервые в жизни месье Дидьен пил что-то крепче вина собственного производства. Коньяк обжигал, и его пришлось закусывать виноградными листьями.

Стремительно пьянеющий старик с неподдельным интересом слушал о том, как однажды, когда еще девчонкой служанка впервые села в вертолет отца, ей стало тошно прямо на лету от запаха удобрений. После этого девушка всегда закрывала уши руками, едва заслышав шум вертолетных двигателей.

Выплеснув в ее стакан остатки коньяка, старик поднялся и, шатаясь, скрылся в дверном проеме. Спустя примерно полчаса он вернулся со скрипкой в руках и заявил, что

хочет написать повстанческую музыку. Но едва смычок коснулся струн, взрыв девичьего смеха заглушил его игру.

— Вот теперь мы с вами настоящий дуэт! Так и я могу играть! — с этими словами она подняла закатившуюся под лавку дудку и что было сил стала дуть в нее, усиливая какофонию голосов нещадно терзаемых инструментов.

В какой-то момент ее помутневший блуждающий взгляд остановился на виноградниках, и дудка замолчала. Месье Дидьен изумленно уставился на уборщицу, вдруг посерьезневшую, глядящую в одну точку. Руки ее повисли, словно плети, тело стало обмякать, и казалось, что она вот-вот упадет. Пытаясь предотвратить падение, старик отечески взял ее за плечи. Девушка подалась к нему, и уже через секунду голова ее лежала на коленях хозяина, который, несмотря на головокружение от употребленного алкоголя, еще мог сидеть ровно и впитывать поток воспоминаний, нахлынувший вдруг на девушку.

А ей было что вспомнить! Вот она, будто стрела, выпущенная из лука, бежит между лозами винограда наперегонки с соседским мальчишкой, ее другом. Вот, почувствовав на своем теле его уже по-мужски крепкие руки и не сумев освободиться из их цепких объятий, она нащупывает мотыгу, брошенную работниками между рядов, и изо всех сил бьет ею по голове обидчика, защищая свою чистоту. Он валится с ног, как мешок с удобрениями, и хрипит, задыхаясь, в тумане ядовитой пыли. Но девушка, освободившись, бежит, бежит... Вот ровные ряды между лозами сменяются соревновательными полосами.

Вот она стоит на пьедестале, получив бронзовую медаль на городских соревнованиях по легкой атлетике, затем еще несколько наград... Потом слезы, когда выясняется, что все ее награды украдены зулусами при переезде в Париж... Потом другие слезы, когда ей сообщили, что отец, потеряв управление вертолетом из-за технических неполадок, потерпел крушение и упал в виноградник...

Она и сейчас ясно видит перед собой разбросанные по виноградникам части вертолета: заржавевший мотор, зарытое в землю одно крыло пропеллера, виноградные корни, омытые кровью отца. Каждую ночь во сне принесенные в ладони отцом гроздь черного винограда, не радующие дочку, создавали лейтмотив этой грустной музыки. Слово эта музыка выражала внутренний монолог девочки, которая была убеждена, и о ядовитости винограда. Она осталась одна, совсем одна и потому не смогла получить нормального образования. Она работает уборщицей, на судьбу не жалуется. Но раз в году, в день смерти отца, на нее находит, словно волна.

Едва забрезжил рассвет, удивленный дворецкий получил распоряжение перенести девушку в ее комнату и накормить, когда она проснется. Месье Дидьен еще не сомкнул глаз, но выглядел бодрым и свежим и вместо спальни направился в кабинет. Там он совершил несколько звонков, договорившись об аренде чистенькой и уютной квартиры недалеко от центра, о сумме спонсорского взноса, позволявшего без экзаменов быть зачисленной в один из лучших университетов, и дал распоряжение своему управляющему внести средства для оплаты первого года обучения там за новую студентку. Потом он заказал машину и куда-то уехал.

Проснувшись в привычной обстановке, в комнате для слуг, девушка долго пыталась понять, приснился ли ей странный сон или с ней произошло нечто необъяснимое. Но солнце было уже довольно высоко, поэтому, спешно одевшись, она поспешила вниз. В кухне убирала посуду после обеда слуг. Хозяин еще не вернулся, но куда и зачем он уехал, ни кухарка, ни дворецкий сказать не могли. Девушку усадили за стол. Не успела она дохлебать теплый суп с ароматным букетом трав, составлявшим предмет гордости поварахи и ее профессиональную тайну, девушка услышала странный шум

в гостиной. Дворецкий поторопился туда. Доедать уборщица не стала. Приступ тошноты от выпитого с вечера заставил ее спешно выйти из-за стола, поблагодарив кухарку.

По лестнице на второй этаж поднимался незнакомец, которого едва было видно из-за пакетов и коробок, которые он нес. Судя по форменной одежде, это был таксист. Пока девушка соображала, что происходит, в дверь вошел месье Дидьен. Он выглядел бледным и уставшим, но, заметив менеджера по клинингу, сделал ей знак следовать за ним.

В кабинете, в углу которого возвышалась гора упаковок, коробок и пакетов с эмблемами магазинов, месье Дидьен сообщил, что берет девушку на содержание, выдал ключи от ее новой квартиры и визитку с ее адресом, рассказал, где теперь будет учиться юная красавица.

— Если ты сможешь собраться быстро, то таксист, которого ты видела внизу, отвезет тебя туда прямо сейчас. Здесь небольшая сумма на твои карманные расходы. — С этими словами он протянул служанке толстенький плотный конверт, на котором был выведен адрес поместья Сент-Эмильон и номер его телефона. — А теперь иди, дитя мое, и не трать время на благодарности. В другой раз. Я очень устал.

Чемодан ее не был разобран со вчерашнего вечера, когда она шла за расчетом. Схватив его и не веря, что все происходит наяву, она выбежала на улицу, уселась в такси и покинула поместье.

Через четыре месяца в кабинете месье Дидьена зазвонил телефон. Старик очень ждал звонка своей подопечной, оправдывая то, что она ни разу не позвонила ему раньше, тем, что ей приходится привыкать к новой жизни, обустроиваться на новом месте, и это занимает все ее время. Но вот наконец долгожданный звонок. Месье Этьен за чем-то взглянул в зеркало, прежде чем снять трубку, приосанился, поднес трубку к уху и важно, как ему казалось, весьма значительно произнес: «Месье Дидьен у аппарата». Мужской голос в трубке представился деканом факультета и сообщил, что протеже месье Дидьена уже больше месяца не посещает университет и не отвечает на звонки. Вопрос состоял в том, что за определенный штраф место за девушкой можно сохранить, но сумма штрафа зависит от длительности отсутствия и его причин. Решение принять месье Дидьену нужно было до конца оплаченного им месяца.

Ошарашенный старик рванул было к выходу, но вдруг вернулся и набрал знакомый номер. От консьержки, которой он звонил пару раз, чтобы узнать, нет ли жалоб на новую жилищу ее подъезда, месье Дидьен узнал, что девушка, выезжая с вещами, сообщила, что едет на родину своего избранника в Алжир навсегда. А квартиры уже выставлена для новой сдачи в аренду. С этого дня скрипка месье Дидьена замолчала навсегда.

Сезон сбора винограда подходил к концу, когда в двери замка заколотил один из постоянных работников с виноградника. Когда дворецкий открыл, тот, трясая перед собой мобильным телефоном, закричал: «Срочно! Это месье Дидьена! Из Алжира!» На этих словах дворецкий посторонился, а работник устремился в кабинет, где месье Дидьен сидел, разложив бумаги, но глядя невидящим взглядом в одну точку перед собой. Не тратя времени на долгие объяснения, работник приложил свой телефон к уху старика.

— Приезжай скорей и забери меня отсюда! — кричал в трубке женский голос так, что даже на расстоянии вытянутой руки было слышно каждое слово.

Узнав этот голос, месье Дидьен будто ожил. Взгляд его приобрел осмысленное выражение, он схватил ручку и стал записывать адрес. Не прошло и двух часов, и старик ехал в сторону аэропорта. Всю дорогу в его ушах звучал ее отчаянный призыв, это лишило его сна и аппетита.

Когда такси, сопровождаемое эскортом из местных ребятишек, от аэропорта привезло его в незнакомый алжирский поселок к старой, покосившейся кирпичной хибаре без забора, во дворе которого были разбросаны части вертолета, заржавевший мотор, острие передней части и кусты белого мака, его сердце мучительно сжалось.

Открыв скрипучую дверь, старик ощутил странный запах сырости и гнили, исходившей от деревянных половиц. Из глубины комнаты к нему метнулась странная фигурка, чем-то напоминающая знакомую ему девушку, и в радости обняла старика. Ее руки обвивались вокруг его шеи, большой живот уперся в тощие ребра старика. Ему казалось, что в этот момент он чувствовал биение сердца ребенка в ее утробе. Все это невероятно тронуло его сентиментальную натуру. Старик сдавленно проговорил:

— Собирайся, ты со своим ребенком будешь жить у меня в замке.

Очень скоро выяснилось, что месье напрасно отпустил такси. Вызвать его из поселка было совершенно невозможно. Надо было ехать рейсовым автобусом, который мог прийти когда угодно, независимо от расписания, приблизительно раз в семь часов.

Галстук старику пришлось снять, чтобы расстегнуть ворот рубашки, ведь жара и пыль словно прибывали к земле. Почетный эскорт из галдящей детворы сопровождал их от самого порога.

Подходя к остановке, вдали они увидели автобус. Но почти одновременно с этим перед месье Дидьеном выросла крепкая фигура араба с ножом. Он сделал выпад в сторону старика, но тот ловко увернулся и, получив лишь легкую царапину, скрылся за остановкой. Громко крича, араб набросился на девушку, угрожая ножом и ей. Она что-то отвечала по-арабски, показывая то на свой живот, то на выглядывавшего из-за остановки старика.

Подъехал автобус, и двери его спасительно распахнулись. Старик устремился туда, выкрикнув девушке:

— Сюда, скорей!

Но был оттеснен от двери необъятной фигурой женщины, которая скомандовала водителю, заметив нож в руках алжирца:

— Трогай скорей, пока этот недоумок со своей бабой всех тут не порешил!

Двери закрылись, и автобус рванулся с места.

Месье Дидьен бросился к ним и, стуча в стекло, закричал водителю:

— Остановите! Я без нее никуда не поеду!

Но пассажиры многозначительно переглядывались, а водитель, делая вид, что не понимает иностранной речи, вел машину по маршруту, все дальше увозя старика от алжирской четы, продолжавшей осыпать друг друга оскорблениями и проклятиями.

ПИСАТЕЛЬ

Иван окончил Литературный институт с красным дипломом, но осознание трагической реальности к нему пришло не сразу.

Новоиспеченные поэты и романисты праздновали выпуск с шумными студенческими попойками и прощальными торжественными речами. Однако в сентябре стало холодать, из общежития выгнали, в студенческую бюджетную столовую перестали пускать, и перед ними остро встал вопрос трудоустройства. Тогда-то, пожалуй, впервые Иван задумался о том, что неправильно выбрал профессию.

Каждый грезит о быстрой и успешной литературной карьере, больших гонорарах, громкой славе в интеллектуальных кругах и очереди хорошеньких поклонниц, стоящих за автографом. На поверку издательский бизнес оказался намного более суров и три-

виален. Талантов не ждали и уж тем более денег им не предлагали, а просто делали свои деньги на откатах и недоплатах.

За последнее время Иван написал несколько романов. Однако эти романы не были прочитаны ни в одном издательстве. Куда бы он ни звонил, отовсюду получал лишь один ответ: «Ваши рукописи нас не заинтересовали!» Наконец Ивану стало казаться, что на все его звонки в разные издательства отвечает по шаблону один и тот же зычный бас. В очередной раз получив уведомление о том, что его работа не прошла на конкурс, Иван решил выяснить, кто же принимает решение, и с удивлением обнаружил в жюри одного из своих знакомых по институту.

Недолго думая, он позвонил ему и спросил, почему его работа не прошла. Тот считал себя добрым приятелем Ивану и по-товарищески объяснил ему, что связи теперь решают все. И если Ивану очень надо в большую литературу, то ему могла бы открыть туда дорогу какая-нибудь влиятельная особа, например, из министерства. Критик даже от чистого сердца предложил свою помощь в поисках подобной особы. Однако Ивана такой подход к искусству оскорбил, и он бросил трубку.

После полугода тотальной безработицы и, как следствие голодовки, Ивану повезло: ему удалось наконец устроиться в одно из издательств не автором, а рецензентом. Помня советы товарища, он сообразил, что такая должность должна будет впоследствии открыть ему перспективу опубликовать и свои романы.

Ему выделили крохотную каморку без окон. Большую часть ее занимал стол, заваленный под потолок разнообразными рукописями. Иван должен был знакомиться с ними и составлять рецензии для представления руководству. Вдохновленный возложенной на него ответственностью, Иван принялся за дело. Но уже скоро с удивлением отметил, что все лучшие тексты, рекомендованные им, были затем отбракованы и возвращены авторам с более или менее вежливым отказом в публикации. И лишь очень узкий круг писателей, уже не нуждающихся в представлении, но далеко не лучших, безоговорочно принимался в печать. Их произведения облекались в яркие обложки и многотысячными тиражами уходили в стоковые молы.

После шести месяцев работы дирекция пригласила Ивана, чтобы сообщить, что его испытательный срок окончен и что он его не прошел. И ему не предложили постоянный контракт, не заплатив при этом за три последних месяца. Иван хотел было потребовать деньги через суд, но тут оказалось, что договор ему на руки так и не вернули, а других доказательств своей работы в издательстве он предоставить не мог.

Отчаявшись, Иван долго бродил по весеннему мокрому городу, и промокшие ноги сами привели его к букинистическому магазину. Он напустил на себя умный вид и зашел в магазин. На входе он успел заметить объявление о вакансии продавца и усмехнулся: самое оно для романиста. От хлопка входной двери спавшая за прилавком молодая женщина встрепенулась и воскликнула: «Вы по объявлению?» Она так радостно это спросила, что Иван не смог ее разочаровать, сказав «нет», и быстро кивнул. Добрая женщина преобразилась и включила чайник: «Тогда давайте я проведу с вами собеседование! Вы чай черный или зеленый будете?»

Горячий чай с печеньем и конфетами убедили Ивана, что должность продавца букинистического магазина — прекрасная возможность не умереть с голоду и остаться в литературе.

Говоря по правде, магазин не нуждался во втором продавце. Покупатели были там редкими гостями. Иван со своей начальницей часами пили чай с печеньем, обсуждали книги, творчество разных писателей и сравнивали художественные методы различных периодов. Его вполне устраивала эта работа, только вот зарплата была мизерной. Но это компенсировалось объемами хозяйкиного печенья, съедаемыми Иваном в течение дня.

В одно прекрасное утро женщина не явилась в магазин. На дверях магазина висели большой замок и вывеска «Продается». Иван забеспокоился: часть его вещей осталась в магазине. Он позвонил по телефону, указанному на объявлении о продаже. Мужской доброжелательный голос ответил, что хозяйка магазина скоростижно скончалась, а он сейчас подъедет, чтобы открыть для Ивана магазин.

Погода была прекрасная, и Иван растянулся на лавочке напротив букинистической витрины. Солнце приятно грело, идти ему было некуда, и он прождал своего собеседника около двух часов. На дорогой машине подъехал юноша лет примерно девятнадцати и открыл магазин. Кажется, он был внуком умершей.

— Можете этот весь хлам забрать, если вам надо, — сказал внук, махнув рукой на полки с книгами.

Поймав удивленный взгляд Ивана, парень попытался, как мог, проявить любезность к последнему другу своей бабушки:

— Это все, просто чтоб она дома одна не сидела, а развлекалась тоже как-то. Так что вы тут, это... Забирайте, что хотите. Закроете и ключи в форточку кинете...

После его ухода Иван выпил пару чашек кипятка с остатками печенья и принялся за дело. Угнал из ближайшего супермаркета тележку и к вечеру уже перевез все книги из магазина к себе в каморку.

Так Иван унаследовал от добродушной старушки небольшой букинистический бизнес. Арендой магазина он себя не утруждал, а торговал, где придется: на скамейках, на бордюрах и даже на заборах иногда. Цены снизил в три раза, и дело пошло.

Иван сразу заметил, что, чем лучше литература, тем хуже она продается. Чем больше она весит в килограммах, тем сильнее надо на нее снижать цену. Особенно бойко идут карманные детективчики с легким уклоном в эротику. Их охотно берут и совсем юные особы, и персоны, облагороженные густой сединой. Потому, закупаясь на оптовом рынке все с той же тележкой, он отдал предпочтение именно такой литературе. На оставшиеся деньги он купил мешок сувенирных магнитиков с надписью «Москва — центр искусств», даже не рассмотрев толком, что на них изображено.

Дела Ивана пошли на лад. К сентябрю он уже проплатил местному участковому «разрешение» ставить палатку и стол. К октябрю стало прохладно, и он отважился на расширение штата — позвал своего сокурсника, такого же когда-то перспективного романиста, к себе в напарники. Они могли сменять иногда друг друга, чтоб не замерзнуть на улице.

С наступлением зимы покупателей стало намного меньше. Продавались в основном сборники сканвордов и sudoku. Иван с напарником менялись каждые полчаса: пока один караулил книги, второй грелся в «Макдональдсе».

Как назло, у Ивана вырос зуб мудрости и начал болеть. Врач предупреждал, что нельзя пить горячее или холодное в течение недели. Но на морозе надо было как-то согреться, и у Ивана отекала левая щека. Иван перевязал голову и подбородок клетчатным платком и расхохотался, заметив в витрине напротив свое отражение. Он был похож на портрет безухого Ван Гога.

И в этот момент к нему подошла девушка. Она обладала какой-то дикой, цыганской красотой — прямо Эсмеральда из «Собора Парижской Богоматери».

— Ты меня не узнал? Да это же я — Ольга Евдокимова — твоя бывшая одноклассница! — огорошила его девушка.

Сколько Иван ни старался вспомнить, все было тщетно. К тому же Иван окончил школу в Барнауле, а не в Москве, как утверждала девушка. Вдобавок Иван был явно старше ее. Но Ольга настаивала, и Иван согласился, что они были одноклассниками. Она без умолку щебетала, рассказывая о своей фирме, торговавшей вином. Головной

офис компании находился в самом центре Москвы, на Тверской. Жила Ольга одна, а ее окна выходили прямо на отель «Ritz». Ивану, уже полтора года живущему в аду, показалось, что вот теперь-то ему улыбнулось долгожданное счастье.

Девушка попросила Ивана быстро собрать вещи, чтобы ее водитель отвез их в ресторан. Иван бросил взгляд в зеркальную витрину напротив и засмутился. Его могли не пропустить на фейсконтроле. Замерзший, с лиловым от холода носом и перетянутой клетчатый платком щекой, он представлял весьма убогое зрелище. И даже сходство с Ван Гогом теперь вовсе не радовало его. Ольга же объявила, что в ресторане «все свои». Делать было нечего. Иван дождался сменщика, сказал, что у него сегодня дела и он потом доработает, и ушел за Ольгой. Они подошли к «майбаху», который ждал их в переулке. У Ивана защемило сердце от удовольствия. Водитель вышел из машины, открыл заднюю дверцу, и Иван сел в автомобиль.

Даже во сне он не мог представить себя владельцем или хотя бы пассажиром такого авто. Наконец-то он встретил богатую даму, которая будет ему покровительствовать! Ивану больше не придется на морозе продавать макулатуру, которую книгами-то назвать нельзя! Оля налила ему коньяка из автомобильного бара, чтоб он согрелся. Затем она повернулась к водителю, сказала: «Познакомься, это Ван Гог» — и громко засмеялась. Водитель сдержанно улыбнулся в ответ.

Иван стал что-то объяснять, но Ольга его перебила. Она стала интересоваться, где работал Ван Гог. Иван пояснил, что Ван Гог нигде не работал, он был гениальным художником, но жил очень бедно. В те времена люди ведать не ведали о его гениальном таланте. Однажды Ван Гог влюбился в женщину по имени Рашель. Она была самой горячей женщиной своей эпохи и зарабатывала на жизнь, торгуя собой. Все свои деньги Ван Гог тратил на встречи с этой женщиной. Однажды он остался совсем нищим. Пылающий страстью к своей любимой, он стоял под ее балконом и молил о встрече. Но Рашель знала, что у него нет денег, и не открывала дверь. У нее было хорошее настроение, и она начала над ним потешаться. Она предложила ему рассчитаться собственным ухом. Ван Гог не смог взять себя в руки. Он вернулся в свою мастерскую и отрезал левую мочку лезвием. Смыв кровь, он завернул ее в белую тряпку. «Я уверю тебя, что ты всегда будешь вспоминать меня», — и он вручил своей возлюбленной тряпицу с мочкой уха. После этого он попал в психиатрическую больницу, и в тридцать семь лет покончил там жизнь самоубийством.

Ольга спросила, готов ли он лишиться уха ради любимой женщины. Иван растерялся. Он сознался, что за всю свою жизнь не любил ни одну женщину, и поэтому не может ответить ей сейчас. Ольга громко засмеялась и поцеловала Ивана в щеку.

Тем временем «майбах» остановился перед рестораном. На сцене играл оркестр. Официант, обращаясь к рядом стоящему коллеге, сказал: «Ты будешь их обслуживать. Опять она притащила неизвестно кого». Откуда ни возьмись появился какой-то неуклюжий, похожий на гуся мужчина. Не обращая на Ивана никакого внимания, он поцеловал руку Ольги. Несколько минут она разговаривала о чем-то с «гусем». Оркестр мешал Ивану расслышать хоть слово. В конце беседы послышалось ворчание Гуся: «На сегодня только тридцать процентов». Бармен стал сервировать стол хрустальными бокалами и золотистой посудой. «Гусь» куда-то удалился.

Ольга посмотрела на Ивана и заказала осьминога, несколько салатов и французское вино. Бармен показал ей этикетку бутылки, она довольно кивнула. Затем Ольга стала внушать Ивану, что работа на улице не для него. Потом стала рассказывать о том, что открыла большой благотворительный фонд, где собирают деньги для детского дома. Неожиданно Ольга спросила Ивана, сможет ли он жениться на ней. Иван не знал, что ответить. Немного опустив веки, она продолжила:

— Можешь ли ты, как тот самый художник, подарить мне свое ухо?

— Это уже чересчур! — сказал Иван.

У Ивана тут же начали гореть уши. Ольга расхохоталась. Она достала из сумки дорогие сигареты и попросила у бармена зажигалку.

— Ты очень честный человек! Если б ты сказал, что можешь, это было бы вранье! — сказала она, закуривая, — А ты идеальный муж! Но не бойся, я не собираюсь за тебя замуж. И ухо твое мне совсем не нужно. Ты не тот художник и никому не подаришь свое ухо. Береги его. Ухо — необходимая вещь! И вообще, я тоже не продаюсь. Просто встречаюсь с теми, кто приходится мне по душе. Например, с владельцем ресторана. Иногда радую таких обездоленных сирот, как ты. Просто ты хороший парень, поэтому я с тобой откровенничаю. Ты знаешь, моя жизнь — это сокровищница тайн. Напиши книгу обо мне, вот и прославишься, станешь известным. Я не извращенная женщина! Встречалась всего с несколькими мужчинами. Вот владелец ресторана владеет компанией по производству моего любимого вина. Если бы я с ним не встречалась, он не назначил бы меня президентом этой компании. Когда-то я встречалась с лысым гинекологом. Если бы ты видел, как он ест мороженое, покатылся бы со смеху! Словно... Ну что ж...

Ольга еще долго рассказывала про мужчин, с которыми встречалась. Хорошо, что оркестр снова заиграл. Ольга быстро съела два салата с осьминогом, затем куриное филе и целую тарелку зелени. Иван ничего не ел, только иногда клал в рот ядрышко грецкого ореха и запивал вином.

Он побоялся заказывать — беспокоился об оплате. Ольга достала из своей сумочки «Шанель» телефон и ответила на звонок. Затем она набрала номер водителя и, улыбаясь официанту, сказала:

— Принеси счет, я спешу.

Официант положил на стол маленькую кожаную книжку. Ольга открыла свой кошелек из крокодиловой кожи. Все ячейки кошелька были набиты банковскими карточками. Ольга вынула из кошелька сто рублей и положила в книжку.

— Это официанту! — сказала она. Затем, поцеловав Ивана в губы, продолжила: — Была рада видеть тебя! Вспомнила школьные годы... А теперь прости, я спешу. Мне надо идти.

Она поспешно вышла из ресторана. Иван наконец понял. Она получала проценты за каждого приведенного в заведение клиента. Он залпом выпил оставшееся в бокале вино, выдохнул и открыл книжку со счетом. Официант, выставя счет, как будто знал сумму денег, вырученных Иваном с продаж. Тридцать тысяч рублей. Иван еще раз с тоской посмотрел на секьюрити у дверей зала и отдал деньги.

Немного погодя, когда официант вернулся отдать чек, он увидел, что Иван, закрыв лицо руками, молча плачет:

— Я никак не могу понять, как это мы, сидя вдвоем за столиком, за один раз смогли съесть пятьдесят книг?

Официант усмехнулся:

— Пить тоже надо уметь! — пожал плечами официант и выпроводил Ивана на улицу.

СЦЕНАРИСТ

На острове Драгониси мы снимали научно-популярный фильм об исторических артефактах, хранящихся на дне морском. Проект рекламный, дорогой. Компания мне оплачивала номер-стандарт, я же хотел договориться с отелем «почеловечески» и, доплатив немного из щедрых суточных, переселиться в люкс. Однако в официальных документах необходимо было оставить первоначальный вариант.

Урегулирование этой ситуации требовало обстоятельного душевного разговора с человеком, оформляющим те самые документы. Благо греки — народ, открытый любому сотрудничеству. В общем, я ждал, когда очередь у ресепшна рассосется и можно будет вступить в конструктивный диалог с молодым и предприимчивым администратором.

И тут мне показалось, что я давно знаком с дамой, стоявшей спиной ко мне. «Я встретил ее у ресепшна в отеле...» — как будто невзначай пронеслось у меня в голове. Если бы я был писатель, я бы непременно так начал один из своих лучших романов. «Ильмира, — сказал администратор, читая ее паспорт по слогам, — Сав-с-ка-йа...»

Точно! Неужели это ты, вредная ядовитая с...? Сколько лет, сколько зим! Вдоль моего позвоночника пробежал холодный озноб. Давно забытое ощущение! Последний раз я его испытывал на защите дипломов, когда она, улыбаясь своей сладострастно-змеиной улыбкой, почти в голос комментировала каждое мое слово. Я что-то мямлил перед лицом уважаемого Госсовета про свое нелепое кинематографическое авторство, которое я планировал в дальнейшем развить в особое направление в кинематографе и даже открыть свою школу.

Однокурсники слушали меня с восхищением, члены Госсовета не слушали вовсе, они играли в косынку на своих лаптопах. Но Ильмира! Она уже тогда все про нас поняла: что нового Тарковского из меня, конечно, не выйдет. Что курс наш ни на что более не годится, кроме пафосных разговоров в курилке. И что она красива и красота ее — это путевка в жизнь беззаботную и безбедную.

Сначала я хотел отвернуться и уйти, но перспектива переезда в люкс заставила меня отказаться от этой идеи, и я продолжал ждать.

Ильмира слегка флиртowała с администратором. Но не для того, чтобы соблазнить его! Отнюдь! А чтобы, распалив в нем воображение и страсть, потом одним надменным взглядом окунуть его в холодную пропасть разочарования: «Как ты мог подумать? Я и ты? О, бедное расфантазировавшееся ничтожество!»

Я со злорадным удовлетворением человека, не раз испытывавшего это унижение на себе, наблюдал за пытками администратора. Получив ключи, Ильмира хотела было сразу уйти, но замешкалась и стала что-то искать в своей маленькой сумочке от «Шанель».

«Я по поводу моего люкса», — сказал я самым непринужденным тоном, на который был способен. Я говорил громко и с посылом, голос у меня был хорошо поставлен, я все-таки режиссер, хоть и научного кино. Просторное фойе отеля отозвалось гулким эхом. Я сделал особый акцент на слове «люкс», поскольку, как мне было известно, Ильмира всегда была к ним равнодушна.

Она не могла не обернуться и не посмотреть на меня. «Постарела!» — с удовлетворением подумал я, когда наши взгляды встретились, и я заметил несколько мимических морщин на ее мраморной коже. Она тоже меня узнала, приветливо поздоровалась со мной и спросила:

— Ты что здесь делаешь?

— Да, так... Работаю... — ответил я с напускной скромностью.

— Слава богу! — воскликнула она и улыбнулась, показав свой белозубый оскал. — Я уж заволновалась, что ты теперь отдыхаешь в пятизвездочных отелях.

— Ты только посмотри, какая ирония судьбы! — наутро говорила она намеренно громко своей подруге за шведским завтраком в ресторане отеля. Этим она старалась привлечь мое внимание. Но я с многозначительным видом жевал яичницу, читая сценарий и как будто не замечая ничего. Я даже иногда делал вид, что и яичница меня волнует меньше. Я брал ее на вилку, подносил ко рту и, будто бы зачитавшись, забывал ее съесть.

— Ведь в последний раз мы с ним виделись в 1997 году, или точнее... — продолжала она. Я подумал, что она действительно не может вспомнить, и дал слабину: отвлёкся от сценария и взглянул на нее. Но она ничего не пыталась вспоминать. Она просто набила рот салатом так, что не могла говорить, и поэтому молча жевала. Она перехватила мой взгляд и приветливо помахала мне ароматной свиной сарделькой, нанизанной в тот момент на ее вилку.

— Прекрасная Ильмира, в клетчатой юбке, в зеленой шелковой косынке, в больших солнечных очках а-ля Анук Эме. Эффектная и статная! — сказал я громко и пафосно.

Несколько человек за соседними столиками в удивлении обернулись в ее сторону в поисках «эффектной и статной Анук Эме». Она проворно закинула себе в рот ломоть жареного мяса и предпочла не отвечать. Она обладала удивительной способностью очень аппетитно поглощать пищу. На нее жующую нельзя было смотреть с тем, чтоб самому не захотеть есть.

— Все эти годы я спрашивала о тебе у знакомых, однако никто ничего не мог сказать.

— Я скромный работяга... Снимаю... Да, впрочем, мне ли выделяться? Что дадут, то и снимаю... — говорил я с таким видом, будто все эти пятнадцать лет сидел без работы.

У подруги Ильмиры, которая была моложе и свежее, глаза сверкнули с живым интересом. Нет, конечно, не к искусству! Ко мне.

— И много дают? — не могла переломить свое устоявшееся презрительное отношение ко мне Ильмира.

Я выдержал паузу, которая должна была символизировать мои внутренние муки, мою боль нереализованности, все мое многолетнее отчаяние, и сказал:

— Немало. Но, само собой, недостаточно. Всегда недостаточно. Вот и сейчас, к примеру, хороший проект! С бюджетом, в копродакшне с BBC. Об исторических артефактах, которые морское дно сохранило для нас. Не бессмыслица! Не поделка! Не какой-то там «погонный метр»! — тут у подруги Ильмиры, которую, кстати, как я успел выяснить, звали Эмили, округлились глаза, отчего она стала казаться мне симпатичной.

Я решил усилить впечатление:

— Живем в люксах! Казалось бы! Что еще? Что еще может быть нужно? Но нет ведь! Душа, неумная душа просит большего! Такова природа художника: постоянная творческая ненасытность!

— Вы такая неуспокоенная натура, которая все время ищет что-то...

— Да-да! Верно, вы сейчас подметили: ищу-ищу и никак не найду...

— А ты кем там работаешь-то, на этом проекте про артефакты? — перебила нас Ильмира.

— Как кем? — сказал я с таким видом, будто в природе и профессий других нет. — Режиссером. А что я еще могу? — я не смог отказать себе в этом кокетстве в компенсацию за все те годы голодного студенчества, которые я совмещал с работой «свободной кассой» за стойкой общепита.

— Вторым?

— Что ты! Главным! Второй режиссер — это не режиссер, это помощник, — я стал ей объяснять с таким видом, как будто она не знала разницы.

Ильмира даже отложила зубочистку и перестала позировать. Она не могла этого принять, ее мозг отказывался воспринимать полученную информацию, что «этот олух», смысл существования которого — быть точкой приложения ее остроумия, все-таки стал режиссером. Да еще и в люксах живет!

Эмили же, наоборот, распалась и стала особенно игривой. Она наконец поняла, зачем приехала сюда. Кокетка расстегнула верхнюю пуговку на блузке и дышала полной грудью, чтоб обратить мое внимание на то, что она у нее есть.

Я хотел достойно завершить удар и пригласил их обеих на завтрашние съемки погружения батискафа. Ничего серьезного эта сцена не предвещала, но звучало солидно. Ильмира бы, конечно, отказалась, сбавив свой отказ доброй порцией сарказма и презрения. Но Эмили поспешила ответить за двоих:

— Какая честь! Мы обязательно придем!

Это был выходной, и днем я прогуливался по городу с одним из моих знакомых, греческим востоковедом. Проходя мимо мечети, мы заслушались чтением Корана, и я поинтересовался смыслом песнопения. Остановившись посреди улицы и закатив глаза куда-то в синеву неба, востоковед начал:

— В суре «Свет» в двадцать четвертом аяте Священного Корана говорится: «Деяние тех, кто не уверовал в Господа, подобны многослойной тьме на морском дне; Когда вздымается волна, над ней — другая, Над ними виснет туча. На мрак один ложится мрак другой. И если человек вытягивает руку, Ее почти не видит он. Кого Всемогущий Бог не наделяет Светом, тот не прозреет, и ему нет просветления».

На следующий день я, словно капитан дальнего плавания, стоял на палубе нашего небольшого судна. Рядом со мной были мои гости: Эмили при полном параде и обиженная на жизнь Ильмира. Прохладный и чистый морской ветер, смешиваясь с духами Эмили, проникал сквозь мою одежду, касался тела, вызывая приятную дрожь. Специалисты в это время вели подготовительные работы по погружению батискафа на морское дно. Меня так и подмывало поумничать.

— Это длительный процесс, — начал я. — Сложный и ответственный. Море словно рычит, — я начал водить руками, как вчера ими водил востоковед, — бурлит, заставляя плясать волны, которые окружили наше судно со всех сторон. Танец этот кажется какой-то ужасающей пляской смерти.

— Ах! Монсеньор! — прониклась Эмили — Это просто бездна!

Я подумал, что моих спутниц очень впечатлит, если я с видом знатока проверю какой-нибудь прибор. Я покрутил фокус одной из камер. Благо это была не та камера, которой должны были осуществляться съемки на морском дне. Но мои гости этого не знали и потрясенно помалкивали: одна — от восторга, а другая — от несправедливости судьбы.

Скоро подали сигнал о готовности батискафа. Вся эта работа заняла около трех часов. За это время мы успели замерзнуть на этой романтической палубе и нахлебаться дешевого пресного чая в попытках согреться.

Все затаили дыхание, стояли и смотрели на исторический момент погружения. Крюк бесшумно поднял батискаф. Некоторое время он висел над пеной играющих волн. Затем постепенно стал опускаться в воду. Огромные морские волны то набрасывались на батискаф, то отступали назад.

Я усадил своих спутниц у плейбэка. Съёмочная группа столпилась тут же. В верхнем белом углу экрана загорелись цифры.

— Эти цифры указывают глубину, на которую опустился батискаф, — таинственно сказал я и стал внимательно следить за экраном. Когда цифры на экране, минуя семьдесят, стали достигать восьмидесяти, он стал голубеть.

— Какое волнение! — сказал я, нахмутив лоб и прижав левую руку к груди. — Кажется, что море превратилось для нас в огромный аквариум.

— Да... я тоже так волнуюсь... — где-то с галерки простонала Эмили.

От сильного света прожектора батискафа богатый и разнообразный цветовой колорит морского пространства стал слепить глаза. Зеленый, красный, желтый, фиолетовый, белый — из этой палитры являлись новые, какие-то необыкновенные цвета. Мы не могли налюбоваться красотами морского дна: качающимися водорослями, корал-

ловыми рифами, тенями бездонных пропастей, косяками красивых рыб с различной окраской, осьминогами и другими живыми существами, которые составляли морскую флору и фауну. Все сидящие и стоящие у монитора словно замороженные смотрели на экран. Перед нами открывался загадочный, недостижимый для простых смертных мир. Это было так странно и потрясающе. Даже Ильмира сняла свои черные очки. Мне показалось, что я как будто слышу вчерашние чтения Корана.

«Все живые существа морского пространства словно движутся под чтения аятов Священного Корана...» — осенило меня. Я понимал, что сейчас было бы так к месту процитировать Коран, чтобы и съемочная группа тоже послушала, но, как назло, не мог вспомнить ни слова.

— Словно под звуки Корана, рыбы движутся из стороны в сторону, морские водоросли раскачиваются на местах! — я попытался напеть в общих чертах мелодику аята, делая заклинательные движения руками в стиле востоковеда, но вышло какое-то мычание. — Вы слышите? Нет, вы видите? Вы чувствуете? Это же Священный Коран!

«Если так долго наслаждаться красотой моря, то оно может тебя осчастливить, — размышлял я вслух после того, как сцену отсняли и миновала опасность оказаться второсортным на фоне удивительных чудес морского дна. — Ах, каким человек становится счастливым, любуясь красотой качающихся водорослей, живо плещущихся рыб! Невольно начинаешь улыбаться, глядя на них. Какой же я странный чудак! Интересно, счастлив ли человек, когда смотрит на меня? Что я ел? Отчего я такой хмурый? Кто меня приучил к этому?»

Месяц назад, готовясь к съемкам, я нашел в библиотеке довольно толстую — в пять-сот восемьдесят страниц — книгу. Автор, крупный американский специалист в области биологии морских животных, опираясь на серьезную научную основу и в то же время с подкупающей теплотой и поэтичностью, описывает месяц за месяцем год жизни маленького кита: поведение в среде обитания китов, приплывающих на сезон в заливы Сан-Хосе. Интересно, а что если кто-то собрался бы написать книгу про меня, то сколько страниц бы она составила? Если описать все те дела, которые я совершил на Земле?! Сколько же они составят страниц?! Наверняка моя жизнь, мои «повадки» и особенности и полстраницы бы не заполнили. Я даже не такой актуальный, как кит! Господи, где я и где кит! Верно, говорят: «Будь всегда тем, кем ты являешься в действительности! Знай свое место!» И все-таки интересно, если бы я выглядел, таким, какой я есть в реальности, много ли людей желало поздороваться со мной?!»

Я оглянулся на столпившихся у монитора зрителей, включая Ильмиру и Эмили, которые продолжали отсматривать на повторе уже виденные ими несколько десятков раз кадры «мрака морского дна» и, кажется, совершенно забыли про мое существование.

Вечером мы сидели в ресторане отеля. Оркестр играл приятную музыку. Волевой подбородок, прямой нос, выразительные голубые глаза под черными бровями, каштановые волосы... Восемнадцать часов качки в открытом море пошли Ильмире на пользу и сделали ее, казалось, более грациозной, чем пятнадцать лет назад. Она развеселилась, проголодалась и посвежела.

— На одном и том же судне это уже мои третьи съемки, — на правах человека, оплачивающего счет, я не переставал себя нахвалять. — Этот корабль не просто там посудина какая-то плавающая, но настоящая научная лаборатория.

Эмили, бросив окурков в пепельницу, посмотрела на меня томно и сладко улыбнулась. По правде говоря, я понимал, что Эмили была уже давно согласна на все при условии, что это «все» будет происходить в люксе пятизвездочного отеля. Но мы по-прежнему еще были втроем. И при Ильмире я старался держаться достойно и снисходи-

тельно. Устремив на меня свои восхищенные мной глаза, а затем чуть наклонившись, Эмили спросила:

— Как же это вам, монсеньор, удалось сделать такую блестящую карьеру в наш несправедливый век?

— Ах, мадемуазель, знаете, что больше всего мне запомнилось из моего детства? Огромный особняк, построенный в стиле барокко, в котором до революции жил какой-то князь. И как из окрестных районных детских домов в этот интернат собирали и свозили нас, двухлетних сирот. Прожив там четыре года, мы распределялись в школы. Я помню баню, которая была построена на высокой горе и больше напоминала крематорий. У нее была длинная черная труба, которая все время дымилась и напоминала Аушвиц. Каждую неделю маленькие дрожащие детки, держа друг друга за руки, поднимались за воспитательницей по извилистым, ведущим вверх дорожкам к чернеющей трубе. Все мальчики и девочки в одинаковой одежде серого цвета в маленьких галошах, прилипавших к мокрой глине, медленно поднимались в эту проклятую баню. Из бани веяло сыростью, проплесневевшей древесиной и глиной. Холодные стены не топлёной бани, словно слезами, сочились сосновой смолой, вторя детскому плачу. Из прорубленного под самой крышей окна на противоположную стену падал бледный квадрат утреннего света, который был не в состоянии осветить мрачную темень предбанника. «Темно, как в могиле», — всякий раз говорила воспитательница.

— Кто строит бани на горе? Что ты несешь? — Ильмира наконец вернулась в свое обычное состояние и заулыбалась.

Но Эмили с восторгом слушала мои небылицы.

— Я помню, как на обратном пути из бани воспитательница собирала маленькие галоши в большой таз, — я продолжал сочинять свой триллер. — У некоторых из нас галоши оставались прилипшими к глине и торчали посреди дороги. И тогда мы шли босые. Детей было много, а воды мало...

— Само собой, на горе-то где воды на всех наберешь? — сказала Ильмира, сверкнув глазами сквозь ресницы и обильно закусывая селедкой.

— Нас было так много, что невозможно было понять, кто искупался, а кто нет. Да и смысла в этом купании большого не было: все равно все возвращались грязные.

Эмили заплакала. После некоторого многозначительного молчания, которое должно было означать, что я сильно страдаю, вспоминая это чудовищное время, я проглотил дольку лимона и продолжил:

— В своем кабинете я до сих пор храню свою серую детскую одежду как память о тех годах. Иногда я запираюсь на ключ, вытаскиваю свою былую робу из комода и часами смотрю на нее, вспоминая те времена. Именно эта память, пронесенная мной через годы, не отвергнутая, но трепетно хранимая, и дает мне силы! Не сломаться! Противостоять трудностям!..

— Чертов сценарист! Надо же навывдумывать такое! Хотя если бы ты сказал, что примеряешь свою детскую одежду, чтобы прочувствовать вновь всю былую боль обиды и несправедливости, было бы колоритнее, как ты считаешь?

Нет, ни коньяк, ни текила, ни люкс в пятизвездочном отеле, ни батискаф, плавающий во мраке морского дна, ни научно-исследовательский институт на плаву — ничего не берет эту змею!

— Вот Эмили, она по природе своей ко всему относится чувствительно. И мы с ней почти похожи... нас роднит одна тоска... А ты, ты всегда была такой черствой! Такой злой ко мне! — не удержался я.

— Да, я так все пропускаю! — простонала Эмили только для того, чтоб я про нее не забывал.

— Тогда закажи еще кусок форели, раз ты такой чувствительный... Может, тебя это разорит... — сказала Ильмира и, не по-дружески страстно поцеловав меня в щеку, встала из-за стола. — Не буду больше вам мешать, — кивнула она на Эмили. — Спасибо за отличный день, прекрасный вечер. И доброй ночи.

— Мы с вами так похожи, так оба чувствительны, — Эмили попыталась возобновить былую дискуссию, когда Ильмира скрылась в дверях.

Все это время мне казалось, что я влюблюсь в Эмили. В ней есть какая-то нежность, открытая искренность, которая так контрастирует с вызывающе-сладострастной красотой и нестерпимо ядовитым остроумием ее подруги. Но сейчас, когда Ильмира ушла, оставив нас вдвоем, я не видел перед собой ничего, кроме пресной и пошлой девицы, которая без всякой женской гордости вешается на первого встретившегося ей режиссера. Я молча расплатился и вышел.

ОРЕХОВОЕ ВАРЕНЬЕ

Ровесники, родственники и знакомые Тамары, их дети и даже внуки давно покинули этот свет. Уже давно вымерло не одно поколение дворовых кошек и собак. А бабка Тамара все жила. Никто не помнил ее молодой.

Она стала уже совсем немощной и похожей на ребенка. Говорила с трудом. Некоторые слова ей и вовсе не давались. Поговаривали, что у нее вновь прорезались молочные зубы. Ее голова была покрыта сединой, за что дети ее дразнили тетей-жвачкой. Ею пугали и одновременно мотивировали детей. «Будешь плохо себя вести, будешь страшный, как Тамара», — говорили расшалившемуся ребенку. И тут же: «А будешь хорошо учиться, проживешь долго-долго, как Тамара». Хотя вообще деревенские ее уважали, она была своего рода местной достопримечательностью.

За Тамарой смотрела одна из ее пожилых правнучек, работавшая медсестрой. Ее муж долго болел и умер, а дети выросли. Так что выйдя на пенсию, она переехала жить в деревню и заодно присматривала за Тамарой. «Ты мне правнучка или праправнучка? А то я позабыла», — иногда спрашивала ее Тамара. «Да я и сама уже не помню», — отвечала та.

Школьники спокойно проходили мимо Тамариного дома, но она все равно пыталась их гонять. На бегу — если только это можно назвать бегом — она раскидывала ноги в разные стороны, поэтому поймать кого-то из ребят ей удавалось редко. На самом деле ей было очень сложно передвигаться. К тому же она не любила носить обувь и поэтому всегда ходила босиком. Когда становилось жарко, она снимала себя одежду и бросала в сторону. Тамара всегда одевалась в длинную белую рубашу. Благодаря своей правнучке она всегда носила чистую одежду.

Когда-то в честь рождения Тамары посадили ореховое дерево. Сейчас этому дереву исполнилось бы сто пятьдесят лет. Однако пару десятков лет назад его поразила молния, и с тех пор на его месте была лишь обуглившаяся коряга.

За долгие годы Тамара привыкла днем сидеть под ореховым деревом. И теперь она каждый божий день ковляла на свое излюбленное место под корягой. Она продолжала любить сгоревшее дерево и заботиться о нем так, будто оно было живым.

Тамара запрещала кому-либо приближаться к коряге, особенно детям. Если кто-то осмеливался подойти, она начинала махать на него клюкой и осыпать ругательствами, которые уже не выговаривала, и оттого казалась особенно жалкой.

И вот однажды Тамара слегла и больше не могла встать с постели, чтобы проведать свое дерево. С каждым днем ей становилось все хуже и хуже. Она не могла выпить даже глотка воды. Лишь слабый пульс и едва уловимое дыхание свидетельствовали о том, что она еще жива. Проведя в таком состоянии несколько дней, она вдруг открыла глаза и, активно жестикулируя, пыталась что-то сказать своей правнучке. Однако пересохший язык не слушался, и из горла вырывался лишь сдавленный хрип.

«Ор-ор-реховое варенье!» — наконец справилась она. Правнучка раздобыла у соседей трехлитровую банку орехового сиропа и поднесла чайную ложку к губам Тамары. Та мгновенно оживилась, схватила банку обеими руками и выпила залпом. Ей стало лучше. К вечеру она уже встала с кровати, проведала свое дерево, долго благодарила его за варенье, уже не понимая, что оно сухое. Потом запела и пустилась в пляс.

К утру Тамара скончалась. Ее похоронили на местном кладбище. А через неделю на ее могиле пророс росток орехового дерева. Он вытянулся ростом в человека, однако после этого завял. «Видно, косточек наглоталась», — шутила детвора. Но соседи-то знали, что в банке с ореховым сиропом не было ни единой косточки. Просто бывают разные чудеса на свете.